

Размышления о фестивале
музыки Генделя в Галле

ФРЕСКИ, КОТОРЫЕ НЕ РАЗРУШАЮТ ГОДЫ

ФЕСТИВАЛЬНЫЕ впечатления для многих гостей начинаются с удивления.

На многоугольных площадях старого Галле, из которых с веками постепенно слепилась мозаика этого саксонского городка, среди серых остерверких домов разного возраста, мирно, без контрастов соседствующих друг с другом, как кольца на стволе дерева, совсем не видно броских примет популярного музыкального фестиваля. Даже на главных улицах не встречаются афиши, плакаты, витрины или какая-нибудь другая яркая реклама. Все очень скромно: транспарант на улице Клементина Готвальда; где в соборе расположен главный в городе концертный зал, и стена у памятника Генделю в самом центре, на Марктплац. У концертных касс спокойно, потому что все билеты распределены заранее, и предприятия города их получили по заказам. Около них волнуются лишь единички — ясно, туристы, а прибывших гостей организаторы быстро «включили» в фестивальное расписание, они уже живут в рабочем ритме города и спрессованных праздничных мероприятий.

Хорошая организация всегда приятна, и это только поначалу озадачивает — насколько сам-то город живет фестивалем? Потом каждый гость сможет убедиться, что не только приглашенные именитые солисты, но прежде всего сами земляки Генделя поют и играют его произведения (и разве для них нужна реклама?), что все до одного залы будут полны, что насыщенная неделя пролетит незаметно и что на закрытии фестиваля в Гальгенбергском ущелье при всей его величине не сможет, к сожалению, уместиться весь старый и новый Галле, чтобы

послушать интересный концерт на открытом воздухе и посмотреть с восторгом предвкушаемый фейерверк. Так, по традиции, в июньские дни в городе Галле на Заале проходят прекрасные музыкальные торжества, которые собирают гостей из многих стран мира (в этом году — из двадцати пяти стран).

Город Галле стал знаменит своим генделевскими фестивалями — здесь их состоялось уже тридцать три, включая нынешний. Только большой любовью и трудолюбием можно объяснить тот факт, что почти сугубо промышленный город дает пример организации великолепной музыкальной пропаганды на уровне европейских столиц, с размахом чтящих творчество того или иного великого музыканта.

Винючник торжеств Георг Фридрих Гендель, гениальный немецкий композитор XVIII века, хотя и не прожил всю жизнь в этом городе, но и не так уж малым обязан ему. Он здесь родился почти три века назад, учился в гимназии и университете, начал путь профессионального музыканта и до той поры, когда решил в молодом возрасте уехать из Галле, чтобы завоевать музыкальный мир, успел записаться потрясающим трудолюбием и первыми секретам мастерства. «Знаменитый саксонец» (как окрестила его тогдашняя музыкальная Мекка — Италия, которую он сумел покорить) приезжал на родину еще пару раз из Лондона, где постоянно жил и умер, уже увенчанный лаврами; как раз самое последнее путешествие в его жизни связано именно с родным городком.

Сейчас Гендель стоит, запечатленный в камне, недалеко от дома, где он появился на свет. Дом-музей в данное время реставрируют, а памятник в этом году весной обновили, покрыли позолотой и установили вновь при большом стечении народа — а как же, это ведь местная гордость. Для жителей Галле он нераздельно связан с обликом города. Его изображение встречается на всех эмблемах Галле, за исключением древнего звездного герба, куда он просто не успел по хронологии попасть. Могучая фигура, прямая, непреклонный стан, гордая голова под огромным париком, локоны тяжело спадают на широкие плечи, смелый взгляд... Гендель твердо стоит на своих больших каменных ногах на Рыночной площади, которой полагалось в то время в каждом городе быть главной. Сейчас он, разумеется, не окружен, как в прошлом веке, изысканной оградой, около которой прогуливались местные бюргеры, нет — открыт, доступен, на ступеньках прыгают дети, двигают корзины с цветами, мимо звенят трамваи, спешат люди во всякие учреждения и в магазины, его окружает кипучая, насыщенная жизнь. И он был бы горд, если бы знал, что в этой жизни немало места отведено его музыке, что родина бережет его духовное наследие.

Твердый, гордый, смелый великан и в облике, и в мыслях, он создавал свои грандиозные оратории, оперы и концерты, держа в голове идеи ранней молодости, которые не уцелели на бумаге. Поэтому, к сожалению, не существует у Генделя галльских опусов. Но это неважно. Здесь изучают, издают, исполняют все его богатейшее творчество, не только шедевры, но и произведения меньшего блеска, отмеченные

великим талантом в деталях, в замыслах. В Галле учат почитать Генделя, понимать его стиль со всеми метаморфозами. На генделевских фестивалях исполняют его современных музыкантов, приехавшие на фестиваль, получили богатую пищу для размышлений и поисков. Об этом, в частности, говорили в интервью для прессы советская организаторка Таира Якубова, профессор В. Гвахария, член правления Общества Г. Ф. Генделя, и другие.

В фестивальной программе можно было услышать и совсем другого инструментального Генделя — яркого, романтического. Дирижер Владимир Спиваков придал мелодиям его концертов накал, красиво подал каждый тембр, не упустил ни один контраст и, балансируя в созданной из них светотени, выгодно раскрыл возможности своих оркестрантов-виртуозов. Он использовал концерт именно как концерт, как поле для показа мастерства, которое в такой степени не может дать артисту никакой другой жанр. Вез зал университета им. Мартина Лютера, где в рамках фестиваля выступили «Виртуозы Москвы», совершавшие турне по ГДР, восхищенно аплодировал такой интерпретации, которая и удивляла, и привлекала. В зале было много детей, люди пришли слушать семьями свои любимые произведения и познакомиться с музыкой советских композиторов. Вот так и поддерживаются местные традиции, в естественный поток слушательского интереса вливаются новые и новые ручейки.

Этот концерт запомнился не случайно. Яркое исполнение необходимо генделевским сочинениям как воздух, если индивидуализма, которые принесли в интерпретации старин-

Трактовка эта чуть суховата, скромна по звуку. Она свободна от раскованности и индивидуализма, которые принесли в интерпретации старин-

ше, чем от аккуратной, со знанием стиля, в традициях сделанной интерпретации, но не освеженной умом артиста, не озаренной огнем его фантазии. Гендель сам был великодушным артистом, лучшим из лучших концертантов. Современники его воспевали в стихах, полных восторгов, и не отказывали в признании на этом поприще в самые тяжелые годы, когда как композитора забывали и преследовали. Генделевский свободный дух, быстрая мысль разливается в принятых в то время музыкальных формах, от которых он не отказался, взяв их такими, как они есть, в качестве рамок для своей могучей фантазии. И хорошо, когда нашим поколениям удается уловить пульс этой мысли, полет этого духа, а не просто точно воссоздать формы.

В ТОЧКЕ золотого сечения фестиваля находится «праздничный час у памятника Генделю». Когда все уже полны впечатлений от камерных и хороших концертов, когда прозвучали уже си-минорная Месса И. С. Баха, несколько кантат и репертуарная опера «Александр» со знаменитой историей соревнования двух певцов, исполняющих главные роли, которая обеспечивает ей интерес публики, после того, как с первых же часов фестиваля образы генделевских Антем обратили нас к мыслям о мире, радостях людского братства, героического единения в борьбе, — вот тогда в фестивальной программе появляется первая церемония.

В воскресный день рано утром на Рыночной площади устанавливаются телекамеры. До назначенного часа операторы с запасом снимают парад флагов стран — участниц фестива-

у здания городского совета, величественного каменного Генделя, шпиль ратуши и в подробностях всю площадь, которая заполняется со всех сторон людьми. Расправлены широкие дарственные ленты, чтобы было видно, какие заводы Галле возложили яркие венки к памятнику композитору — здесь практически весь округ. Без пятнадцати девять из трамваев с шумом вываливаются толпы детей, которые бегут к ступенькам надевать нарядную церемониальную одежду. Строгие хормейстерши собирают каждую свой хор, они распеваются и быстро выстраиваются амфитеатром у памятника, где уже расположился военный оркестр, на месте дирижера, кругом кольцо зрителей, и, наконец, девять.

Башенных часов, которые всегда торопливо играют мимольд-мажорную мелодию и долго потом успокаиваются, сейчас не слышно: на балконишке напротив шесть музыкантов в старинных костюмах (три трубоча и три тромбониста) заиграли аллеманду из сюиты Генделя. Этим старинным немецким медленным танцем начинается любопытный концерт на воздухе.

Он сборный. Здесь много имен — немецкие классики и современные авторы. Огромный Детский хор, составленный из нескольких самостоятельных больших хоров, сначала поет отрывки из оратории «Иуда Маккавей», а потом пейзажные миниатюры Бургхардта и Мендельсона и еще популярные гимны, песни о родине. «Как светел и радостен летний день», — звонко выводят альты, и хотя этот летний день сумрачный, застоявшийся между серыми крышами в пустых каменных улочках вокруг площади, кажется,

что окна домов, со всех сторон смотрящие на памятник, как-то засияли для праздничности момента. Их обычный пронизательный вид становится дружелюбнее. Трамвай едет очень тихо, не звенят, чтобы не заглушить музыку, и не останавливаются по обыкновению на площади, а все водители и немногие пассажиры по стеклам с любопытством наблюдают торжество.

По традиции, концерт продолжается ровно час, потом публика расходится, а члены Общества Г. Ф. Генделя собираются на основное заседание. Здесь обсуждают публикации произведений Генделя и исследования его творчества, которые появились в разных странах со времени прошлого фестиваля, дается их компетентная оценка учеными, избираются новые члены общества (в этом году среди них — известный музыковед, профессор Московской консерватории Ф. Мюллер), решаются вопросы музыкальной науки. И уже сейчас планируется программа следующего фестиваля. Из огромного наследия Генделя выбираются забытые или малоизвестные оперы, обычно их бывает две, одна из гениальных ораторий. Так как в будущем году фестиваль примет особенно широкий размах в связи с тройным юбилеем, будет исполнено несколько опер и ораторий — все основные шедевры — «Мессия», «Самсон», «Израиль в Египте». Можно представить себе успех будущего исполнения, опираясь на полученное здесь потрясающее впечатление от оратории «Саул». Ее благородные арии, знаменитый траурный марш, хрупкий звон арфы в симфониях и скорбные мощные хоры до слез волновали и слушателей, и самих исполнителей. Хори-

сты сами мне рассказывали в антракте, что их очень трогает могила Михали, уносящаяся под своды, или страдания от важного Давида, и после этого трудно хору вступать со своими музыкальными задачами. Удивительно, но факт: труднейшие хоры «Саула» поют самодельные артисты, инженеры и рабочие-химики, студенты и учителя, которые посвящают Генделю свои свободные вечера.

Отличные солисты, которых пригласили из берлинской «Коммисе опер», большой сводный хор и оркестр местной филармонии, дирижер Олаф Кох, который держит в руках всю эту громадную машину, заслуживают очень высокой похвалы. И еще надо сказать спасибо устроителям за то, что каждый слушатель имел текст всех вокально-инструментальных произведений. Стоит ли говорить, как это облегчило восприятие сложной и часто незнакомой музыки минувших веков.

Эта опера попала в руки искренних артистов, которые смогли изобразить верность и стойкость молодого влюбленного фракийского принца и дочери персидского царя так, что возник яркий воспитательный эффект. Культ красоты и любви, самых благородных поступков был показан в этой музыке столь убедительно, что всякая музейность оперы-сегия исчезла! Но, наверное, одной непосредственности и чистоты изображенных чувств не хватило бы для успеха «Флориданта» у искусственного современного зрителя. Опера еще и интересно, полемично поставлена. Режиссер Петер Конвичный и его помощница, талантливая берлинская художница, еще студентка Катрин Менцель придумали полукарнавальные костюмы и грим всем героям (здесь мужские роли исполняют женщины, за исключением баса — коварного царя Оронта) и заполнили сцену откровенной бутафорией. Например, картина леса, населенного дикими

зверями в первом акте, где даже катают на колесах игрушечную лисицу, сразу иронично снимает наши требования к реалистичности сюжета, который по оперным канонам того времени и не мог быть реалистичным в нашем понимании. Правдивыми должны быть чувства героев. И здесь они прекрасны.

Постановка П. Конвичного привлекает умелым решением сценического пространства. Режиссер свободно, по-современному оперирует актерами в мизансценах, выпускает их в зал, на балкон, и, наконец, к общему восторгу всей публики, полемично поставлена. Режиссер Петер Конвичный и его помощница, талантливая берлинская художница, еще студентка Катрин Менцель придумали полукарнавальные костюмы и грим всем героям (здесь мужские роли исполняют женщины, за исключением баса — коварного царя Оронта) и заполнили сцену откровенной бутафорией. Например, картина леса, населенного дикими

Эта опера попала в руки искренних артистов, которые смогли изобразить верность и стойкость молодого влюбленного фракийского принца и дочери персидского царя так, что возник яркий воспитательный эффект. Культ красоты и любви, самых благородных поступков был показан в этой музыке столь убедительно, что всякая музейность оперы-сегия исчезла! Но, наверное, одной непосредственности и чистоты изображенных чувств не хватило бы для успеха «Флориданта» у искусственного современного зрителя. Опера еще и интересно, полемично поставлена. Режиссер Петер Конвичный и его помощница, талантливая берлинская художница, еще студентка Катрин Менцель придумали полукарнавальные костюмы и грим всем героям (здесь мужские роли исполняют женщины, за исключением баса — коварного царя Оронта) и заполнили сцену откровенной бутафорией. Например, картина леса, населенного дикими

Эта опера попала в руки искренних артистов, которые смогли изобразить верность и стойкость молодого влюбленного фракийского принца и дочери персидского царя так, что возник яркий воспитательный эффект. Культ красоты и любви, самых благородных поступков был показан в этой музыке столь убедительно, что всякая музейность оперы-сегия исчезла! Но, наверное, одной непосредственности и чистоты изображенных чувств не хватило бы для успеха «Флориданта» у искусственного современного зрителя. Опера еще и интересно, полемично поставлена. Режиссер Петер Конвичный и его помощница, талантливая берлинская художница, еще студентка Катрин Менцель придумали полукарнавальные костюмы и грим всем героям (здесь мужские роли исполняют женщины, за исключением баса — коварного царя Оронта) и заполнили сцену откровенной бутафорией. Например, картина леса, населенного дикими

Эта опера попала в руки искренних артистов, которые смогли изобразить верность и стойкость молодого влюбленного фракийского принца и дочери персидского царя так, что возник яркий воспитательный эффект. Культ красоты и любви, самых благородных поступков был показан в этой музыке столь убедительно, что всякая музейность оперы-сегия исчезла! Но, наверное, одной непосредственности и чистоты изображенных чувств не хватило бы для успеха «Флориданта» у искусственного современного зрителя. Опера еще и интересно, полемично поставлена. Режиссер Петер Конвичный и его помощница, талантливая берлинская художница, еще студентка Катрин Менцель придумали полукарнавальные костюмы и грим всем героям (здесь мужские роли исполняют женщины, за исключением баса — коварного царя Оронта) и заполнили сцену откровенной бутафорией. Например, картина леса, населенного дикими

Эта опера попала в руки искренних артистов, которые смогли изобразить верность и стойкость молодого влюбленного фракийского принца и дочери персидского царя так, что возник яркий воспитательный эффект. Культ красоты и любви, самых благородных поступков был показан в этой музыке столь убедительно, что всякая музейность оперы-сегия исчезла! Но, наверное, одной непосредственности и чистоты изображенных чувств не хватило бы для успеха «Флориданта» у искусственного современного зрителя. Опера еще и интересно, полемично поставлена. Режиссер Петер Конвичный и его помощница, талантливая берлинская художница, еще студентка Катрин Менцель придумали полукарнавальные костюмы и грим всем героям (здесь мужские роли исполняют женщины, за исключением баса — коварного царя Оронта) и заполнили сцену откровенной бутафорией. Например, картина леса, населенного дикими

Эта опера попала в руки искренних артистов, которые смогли изобразить верность и стойкость молодого влюбленного фракийского принца и дочери персидского царя так, что возник яркий воспитательный эффект. Культ красоты и любви, самых благородных поступков был показан в этой музыке столь убедительно, что всякая музейность оперы-сегия исчезла! Но, наверное, одной непосредственности и чистоты изображенных чувств не хватило бы для успеха «Флориданта» у искусственного современного зрителя. Опера еще и интересно, полемично поставлена. Режиссер Петер Конвичный и его помощница, талантливая берлинская художница, еще студентка Катрин Менцель придумали полукарнавальные костюмы и грим всем героям (здесь мужские роли исполняют женщины, за исключением баса — коварного царя Оронта) и заполнили сцену откровенной бутафорией. Например, картина леса, населенного дикими

Эта опера попала в руки искренних артистов, которые смогли изобразить верность и стойкость молодого влюбленного фракийского принца и дочери персидского царя так, что возник яркий воспитательный эффект. Культ красоты и любви, самых благородных поступков был показан в этой музыке столь убедительно, что всякая музейность оперы-сегия исчезла! Но, наверное, одной непосредственности и чистоты изображенных чувств не хватило бы для успеха «Флориданта» у искусственного современного зрителя. Опера еще и интересно, полемично поставлена. Режиссер Петер Конвичный и его помощница, талантливая берлинская художница, еще студентка Катрин Менцель придумали полукарнавальные костюмы и грим всем героям (здесь мужские роли исполняют женщины, за исключением баса — коварного царя Оронта) и заполнили сцену откровенной бутафорией. Например, картина леса, населенного дикими

Эта опера попала в руки искренних артистов, которые смогли изобразить верность и стойкость молодого влюбленного фракийского принца и дочери персидского царя так, что возник яркий воспитательный эффект. Культ красоты и любви, самых благородных поступков был показан в этой музыке столь убедительно, что всякая музейность оперы-сегия исчезла! Но, наверное, одной непосредственности и чистоты изображенных чувств не хватило бы для успеха «Флориданта» у искусственного современного зрителя. Опера еще и интересно, полемично поставлена. Режиссер Петер Конвичный и его помощница, талантливая берлинская художница, еще студентка Катрин Менцель придумали полукарнавальные костюмы и грим всем героям (здесь мужские роли исполняют женщины, за исключением баса — коварного царя Оронта) и заполнили сцену откровенной бутафорией. Например, картина леса, населенного дикими

Эта опера попала в руки искренних артистов, которые смогли изобразить верность и стойкость молодого влюбленного фракийского принца и дочери персидского царя так, что возник яркий воспитательный эффект. Культ красоты и любви, самых благородных поступков был показан в этой музыке столь убедительно, что всякая музейность оперы-сегия исчезла! Но, наверное, одной непосредственности и чистоты изображенных чувств не хватило бы для успеха «Флориданта» у искусственного современного зрителя. Опера еще и интересно, полемично поставлена. Режиссер Петер Конвичный и его помощница, талантливая берлинская художница, еще студентка Катрин Менцель придумали полукарнавальные костюмы и грим всем героям (здесь мужские роли исполняют женщины, за исключением баса — коварного царя Оронта) и заполнили сцену откровенной бутафорией. Например, картина леса, населенного дикими

Эта опера попала в руки искренних артистов, которые смогли изобразить верность и стойкость молодого влюбленного фракийского принца и дочери персидского царя так, что возник яркий воспитательный эффект. Культ красоты и любви, самых благородных поступков был показан в этой музыке столь убедительно, что всякая музейность оперы-сегия исчезла! Но, наверное, одной непосредственности и чистоты изображенных чувств не хватило бы для успеха «Флориданта» у искусственного современного зрителя. Опера еще и интересно, полемично поставлена. Режиссер Петер Конвичный и его помощница, талантливая берлинская художница, еще студентка Катрин Менцель придумали полукарнавальные костюмы и грим всем героям (здесь мужские роли исполняют женщины, за исключением баса — коварного царя Оронта) и заполнили сцену откровенной бутафорией. Например, картина леса, населенного дикими

Эта опера попала в руки искренних артистов, которые смогли изобразить верность и стойкость молодого влюбленного фракийского принца и дочери персидского царя так, что возник яркий воспитательный эффект. Культ красоты и любви, самых благородных поступков был показан в этой музыке столь убедительно, что всякая музейность оперы-сегия исчезла! Но, наверное, одной непосредственности и чистоты изображенных чувств не хватило бы для успеха «Флориданта» у искусственного современного зрителя. Опера еще и интересно, полемично поставлена. Режиссер Петер Конвичный и его помощница, талантливая берлинская художница, еще студентка Катрин Менцель придумали полукарнавальные костюмы и грим всем героям (здесь мужские роли исполняют женщины, за исключением баса — коварного царя Оронта) и заполнили сцену откровенной бутафорией. Например, картина леса, населенного дикими

Эта опера попала в руки искренних артистов, которые смогли изобразить верность и стойкость молодого влюбленного фракийского принца и дочери персидского царя так, что возник яркий воспитательный эффект. Культ красоты и любви, самых благородных поступков был показан в этой музыке столь убедительно, что всякая музейность оперы-сегия исчезла! Но, наверное, одной непосредственности и чистоты изображенных чувств не хватило бы для успеха «Флориданта» у искусственного современного зрителя. Опера еще и интересно, полемично поставлена. Режиссер Петер Конвичный и его помощница, талантливая берлинская художница, еще студентка Катрин Менцель придумали полукарнавальные костюмы и грим всем героям (здесь мужские роли исполняют женщины, за исключением баса — коварного царя Оронта) и заполнили сцену откровенной бутафорией. Например, картина леса, населенного дикими

Эта опера попала в руки искренних артистов, которые смогли изобразить верность и стойкость молодого влюбленного фракийского принца и дочери персидского царя так, что возник яркий воспитательный эффект. Культ красоты и любви, самых благородных поступков был показан в этой музыке столь убедительно, что всякая музейность оперы-сегия исчезла! Но, наверное, одной непосредственности и чистоты изображенных чувств не хватило бы для успеха «Флориданта» у искусственного современного зрителя. Опера еще и интересно, полемично поставлена. Режиссер Петер Конвичный и его помощница, талантливая берлинская художница, еще студентка Катрин Менцель придумали полукарнавальные костюмы и грим всем героям (здесь мужские роли исполняют женщины, за исключением баса — коварного царя Оронта) и заполнили сцену откровенной бутафорией. Например, картина леса, населенного дикими

Эта опера попала в руки искренних артистов, которые смогли изобразить верность и стойкость молодого влюбленного фракийского принца и дочери персидского царя так, что возник яркий воспитательный эффект. Культ красоты и любви, самых благородных поступков был показан в этой музыке столь убедительно, что всякая музейность оперы-сегия исчезла! Но, наверное, одной непосредственности и чистоты изображенных чувств не хватило бы для успеха «Флориданта» у искусственного современного зрителя. Опера еще и интересно, полемично поставлена. Режиссер Петер Конвичный и его помощница, талантливая берлинская художница, еще студентка Катрин Менцель придумали полукарнавальные костюмы и грим всем героям (здесь мужские роли исполняют женщины, за исключением баса — коварного царя Оронта) и заполнили сцену откровенной бутафорией. Например, картина леса, населенного дикими

редка неба над ущельем темнеет, только прожекторы над сценой отблескивают светлое пространство для музыкантов, деляя один ее край сиреневым. Неожиданно начинают петь соловьи — местные гальгенбергские «артисты», добавляя свои божественные контрпункты к флейтам Мендельсона. Какая музыка больше подходит к этой атмосфере, чем его «Сон в летнюю ночь!» Все замирает, и «Ноктюрн» — настоящая ночная песня, которую нежно поет вместе с птичьими оркестром, запоминается на всю жизнь. Как потом звучит «Свадебный марш», тот самый, знаменитый, который мы все знаем наизусть! Он здесь другой — волшебный, прозрачный, сказочно прекрасный...

После произведений младшего соотечественника Генделя, 175-летие со дня рождения которого отмечается в этом году, мы вновь возвращаемся к главной музыкальной фигуре праздника. И как начинался фестиваль чудесной генделевской инструментальной музыкой, так он ею и заканчивается. Звучит знаменитая «Музыка фейерверка», услаждавшая при жизни Генделя публику в лондонских парках и садах по берегам Темзы, а потом распространившаяся по всему миру.

Ее обаяние не померкло и по сей день. Бурре, Сицилиана, два остроумных менуэта... Гаснут искры огненных вертушек фейерверка, рассыпаются грозды салюта, утихают костры, ущелье пустеет до следующего праздника.

И. КОНДРАТОВИЧ,
спец. корр.
«Советской культуры».

ГАЛЛЕ.
● За реставрацией памятника Г. Ф. Генделю заинтересовано следили все жители Галле.
● Сцена из оперы «Флоридант».

